

МЕДВЕЖАТА

Я долго думала, стоит ли мне вообще рассказывать о фрау Морман. Вдруг вам и вовсе не интересно? Но тут столько всего накопилось, что я просто обязана всем поделиться, так что, будьте добры, наберитесь терпения.

Доктор Морман — моя соседка, и, признаться, есть у нас некоторые разногласия. Я попросту ее не понимаю, а она, как мне кажется, терпеть меня не может. Она часто не в духе и рот кривит так, словно питается одними лимонами, а когда видит меня, кричит: «Фрау Хайденрайх, площадку у мусорных баков нужно еще раз подмести!» или «Ваш кот постоянно лежит на моей машине и оставляет следы,

а я не люблю следы на своей машине, вы это понимаете?» И когда я честно отвечаю: «Нет!» — она возмущается резкостью моего тона.

На днях она спросила меня: «Что за темные фигуры сидят у вас на подоконнике?» Когда я ответила, что это мои плюшевые мишки (у меня их четыре!), она сказала: «А не слишком ли вы взрослая для плюшевых мишек?»

И что тут ответишь? Что невозможно быть слишком взрослым для плюшевых мишек? Но это тоже неправда — я расскажу об этом позже. Четыре медвежонка, которых я только что упомянула... К ним я тоже вернусь. Как видите, я даже не знаю, с чего и как начать историю про меня и доктора Морман. Просто начну. Итак, доктор Морман не любит ничего и никого и, готова поспорить, не любит даже себя. Такие люди не любят и медвежат. Вы, наверное, знаете старую известную немецкую поговорку:

Те, кто лишь жаловаться нороят,
Не любят даже милых медвежат.

У каждого ребенка есть плюшевый медвежонок, потрепанный и повидавший виды, обычно без уха или глаза, и дети таскают их повсюду и называют Мишутка, Плюша или Пух. Но потом мы вырастем, наши мишки исчезают в шкафу, превращаясь в нечто постыдное. Да, определенно наступает момент, когда становишься слишком взрослым для плюшевых медвежат, и тут доктор Морман права. Но я уже давно это пережила. Потому что когда становишься еще старше (а я знаю, о чем говорю!), вдруг снова их достаешь, рассаживаешь на диване и восклицаешь: «Ну какой же ты милый! Как я могла так долго прятать тебя в шкафу?»

А потом они остаются сидеть на подоконнике или на диване цвета бургунди. (Знаете, что такое бургунди? Это название цвета, происходящее от сорта красного вина, но можно сказать понятнее: цвет малинового варенья.)

На диване цвета малинового варенья сидит только Фриц. Он хочет быть один, я точно знаю. Фриц — мой первый медвежонок. Мне

было около шести, когда он появился в моей жизни.

(Вам не кажется забавным, что взрослые тоже когда-то были детьми? В детстве я и представить такого не могла. А теперь меня удивляет, что мне вообще-то было шесть. И когда я вижу шестилетнего ребенка, такого румяного и хорошенького, с горящими глазками и нежными ручками, у которого нет одного или двух передних зубов — что так мило выглядит в этом возрасте, а в моем уже не очень, — мне сложно представить, что эта шестилетняя Виола или этот шестилетний Лукас однажды станут шестидесятилетней Виолой или семидесятилетним Лукасом. Если вам интересно мое мнение, доктору Морман никогда не было шести — ей всегда было шестьдесят три.)

Я только начала ходить в школу, училась читать и писать, и Фриц вдруг оказался рядом. И он до сих пор со мной. Он далеко не красавец: мех грязно-желтого цвета, а глаза слишком маленькие, карие и стеклянные — на нем явно сэкономили.

Это было послевоенное время, денег не хватало, и такой медведь наверняка стоил недорого. Фриц не мягкий и не пушистый, мех у него короткий, туловище жесткое и набито, как мне кажется, стружкой, но характер у него уникальный. Фриц всегда был медвежонком, которому я могла шепнуть: «Фриц, пожалуйста, сделай так, чтобы завтра пошел

дождь и отменили дурацкий урок физкультуры». И что вы думаете? На следующий день шел дождь, и дурацкий урок физкультуры отменялся — не всегда, конечно, но в большинстве случаев это срабатывало. Тогда у нас не было спортзала, мы занимались на школьном дворе, где при падении запросто обдирали коленки. До сих пор под кожей на моем правом колене можно разглядеть маленький камешек, еще с тех времен. Если мы когда-нибудь встретимся, напомните мне, и я вам его покажу.

В общем, на Фрица можно положиться, он парень надежный. Он уже старенький и много спит, и я его не беспокою, потому что нельзя будить спящего медведя. Старая шварцвальдская поговорка гласит:

Не мешай медведю спать,

А не то несдобровать.

Конечно, Фриц тоже провел несколько лет в шкафу. Заклинаю вас, когда вам семнадцать, восемнадцать и вы по уши влюблены,

не сажайте плюшевого медведя на диван! На этом диване вы целуетесь с... с... Нет, имена называть я не буду, но в любом случае это не время для медвежат. Вы и сами это поймете.

Да, затем вы получаете образование, путешествуете по миру и не таскаете мишек с собой. Но потом, когда у вас наконец-то появляется своя квартира и жизнь становится более организованной, вы вдруг вспоминаете: «А куда подевался Фриц?» И тогда вы рыщете по всем шкафам в подвале и на чердаке родительского дома, пока не найдете его. Я только что вспомнила, что мужа доктора Морман тоже звали Фриц. Я его не знала, он давно умер. Но на полированной латунной табличке на ее двери до сих пор значится:

ДОКТОР ФРИЦ МОРМАН

Вероятно, фрау Морман вовсе и не доктор: доктором был ее муж, а она лишь называет себя доктором. Что ж, пускай.

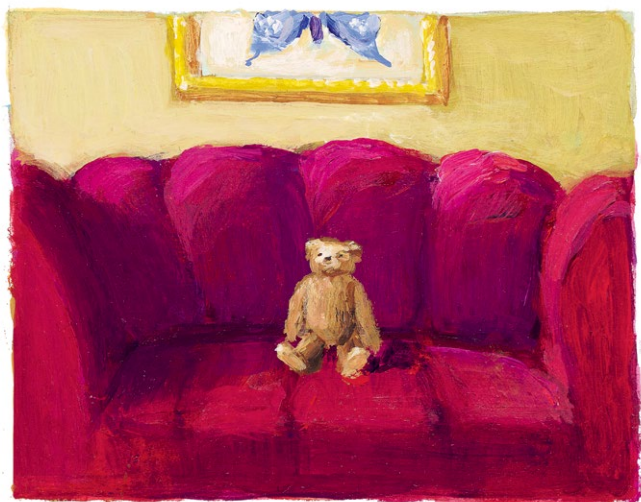
Как бы то ни было, однажды Фриц занял прекрасное место на диване цвета бургунди

(а точнее, малинового варенья!) и с тех пор там и сидел: я смотрела на него, а он — на меня. И почему-то я не могла избавиться от ощущения, что он замышляет что-то недоброе, когда меня нет рядом или когда я сплю. Например, крышка фортепиано — я точно знаю, что закрывала ее, абсолютно в этом уверена. Я репетировала пьесу Роберта Шумана, которую ни разу не сыграла без ошибок. У нее забавное название — «Поэт говорит», и оно мне нравится: поэт наверняка говорит красиво, но исполнить это не так уж просто. Тональность — соль мажор, при ключе всего лишь один знак, *фа-диез*, и по идее я должна с легкостью с ней справиться, но у меня почему-то не получается.

Доктор Морман как-то сказала мне: «Почему вы всегда играете одну и ту же пьесу, фрау Хайденрайх, неужели нет других?» И, поупражнявшись, я, как всегда, сердито захлопнула крышку фортепиано.

Но когда я вернулась из магазина, она была открыта — и за инструментом с веселым выражением мордочки сидел Фриц. Неужели он играл

на фортепиано в мое отсутствие? Этого не может быть, подумала я, медведи не умеют играть на фортепиано... Но как знать? Я могла бы спросить у доктора Морман, играл ли кто-нибудь на фортепиано, пока меня не было. Но я не люблю задавать ей вопросы, тем более такие. Иначе как объяснить доктору Морман, что в пустом доме кто-то играет на фортепиано и что это может быть медведь Фриц? Нет, нет и еще раз нет.

Или, скажем, паштет. Я никогда не оставляю паштет на кухонном столе! Когда делаю

бутерброды, то всегда убираю его обратно в холодильник. На днях я снова сделала себе бутерброд с паштетом. Съела его за просмотром телевизора, позже вернулась на кухню — а посреди стола стоит паштет! И, как мне показалось, его стало меньше! А рядом как ни в чем не бывало сидит Фриц. Кто же еще это мог быть? Подобное происходит сплошь и рядом, и я на сто процентов уверена, что плюшевые медвежата живут своей жизнью и делают такое, о чем мы даже не догадываемся. Есть старая баварская поговорка, которая гласит:

Что топтыгин замышляет?

Да кто ж его знает.

Или что-то в этом роде, я не знаю баварского.

Однажды мне подарили Карла. Карл — настоящий красавец, черный медвежонок с голубыми глазами, я и не думала, что такие бывают! Я встречала только коричневых, бежевых,

желтых, в лучшем случае белых медвежат. Но угольно-черный и с голубыми глазами? Невероятно! Его зовут Карл, потому что моего отца тоже звали Карл и у него были голубые глаза (и, говоря об отце, я никогда не понимала, что от него ожидать). С Карлом у меня с самого начала было ощущение, что он делает, что хочет.

Карл всегда сидит на подоконнике, но иногда просто исчезает оттуда, хотя я только что видела его рядом с Бруно! (О Бруно мы поговорим позже.) И вот я смотрю на подоконник, а Карла нет! Быть такого не может! Потрясенная, я иду на кухню, на всякий случай наливаю бокал красного вина (для справки: оно цвета бургунди, как и диван), возвращаюсь — а он уже на месте. С Карлом такое случается все чаще. Но куда же он пропадает? Одному ему известно, но он ничего не говорит. Есть в нем что-то загадочное и дерзкое. Мне никогда не удастся прочитать его мысли — мысли Фрица я читаю всегда. Почти всегда. Конечно, в душу медведя, как гласит старая мекленбургская поговорка, не заглянешь:

Душа медвежья сидит глубоко,
Разгадать нам ее нелегко.

Фриц и Карл неплохо ладят друг с другом, но с появлением Бруно иногда возникают

проблемы. Поэтому в качестве меры предосторожности Бруно сидит только рядом с Карлом на подоконнике и никогда рядом с Фрицем на несчастном малиновом... ну, вы поняли.

Бруно — тот еще медведь, скажу я вам! Большой! Бурый! Лохматый! Этот нос! Эти лапы!

Эти глаза! Иногда я встаю утром — и, *сим-салабим*, везде порядок, ботинки начищены, цветы политы, белье снято с веревки и аккуратно сложено, а потом думаю: я ведь этого не делала, да? Вчера вечером я была слишком уставшей, верно? Так кто же это? Бруно? Я перевожу на него взгляд. А он молчит.

Бруно приехал из Швейцарии, из антикварного магазина в Лугано. Дружелюбный пожилой джентльмен, подмигнув мне, взял медведя с витрины и сказал: «Это наш Бруно».

На синем бархате, где сидел медведь, осталось пустое место, а его сосед, фарфоровый заварочный чайник, выглядел очень несчастным. С самого начала Бруно был личностью, швейцарцем. Он никогда не теряет спокойствия, но только если кругом порядок. Когда доктор Морман спросила меня: «Это не у вас вчера кто-то пел йодль?» — я подумала: «Божечки! Бруно поет йодль!» Я без лишних раздумий решила, что он на это способен. Как гласит старая швейцарская поговорка: